

Александр САМОЙЛОВ

Александр Самойлов родился в 1973 году в Челябинске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2003). Публиковался в газете «Уральская Новь», поэтическом сборнике «Среда», журналах «Знамя», «Арион», «Вещь», «Плавучий мост», в первом, третьем и четвертом томах «Антологии современной уральской поэзии». Автор книг «Киргородок» (2011), «Стихотворения 1993–2014» (серия «Галерея уральской литературы», 2014), «Маршрут 91» (2015), «Водолаз провел под водой четырнадцать лет» (2018). Живет в Челябинске.

Приходите, будет скучно,
будет сонно и темно,
будет муторно и душно
и почти что все равно.

Будет комната пустая
и пустой дверной проем.
Приходите, начинаем,
больше никого не ждем.

Нигде не работал дольше года:
начинал задумываться о постороннем.
Его терпели как плохую погоду,
а потом решали: давайте прогоним.

Один раз задумался так крепко,
что потерял зарплату и паспорт.
Его сначала жалела соседка,
а потом поняла, что все напрасно.

Поселился между трубами теплоцентрали.
Один раз задумался и застрял между ними.
Две старухи выбраться ему помогали.
И я помог, потому что проходил мимо.

Из магазина возвращался
и позабыл, где мой подъезд.
Не то чтоб очень испугался,
не то чтоб мне настал конец.

Сейчас я отдохну немножко.

Сейчас, сейчас – себе твержу.
Ты можешь выглянуть в окошко,
я там на лавочке сижу.

Папе вызвали скорую.
Папа кричит в жару:
Жизнь моя застрахована!
Не бойтесь, что я умру.

Папа стонет натужно:
Господи, помоги
мне умереть как нужно,
чтоб им не платить долги.

Машинка по городу катится,
а город лежит как мертвец.
Никто никогда не расплатится,
уймитесь вы наконец.

Что ты сейчас читаешь?
Я ничего не читаю.
Что ты опять начинаешь?
Что я опять начинаю?

Ты всё начинаешь снова,
как будто мир всё ещё нем,
как будто первое слово
было словом не тем.

В блинной на Газеты Звезда,
Где мы повстречались тогда,
Я опять сижу, как тогда,
И опять твержу, как тогда.

Правда заключается в том,
Ничего не будет потом.
Снег идёт за черным окном,
Кама покрывается льдом.

Всё вышло, как хотелось,
И через пять минут
В бессмысленную зрелость
Тебя перенесут.

И ты лежишь, моргая,
Вот ничего себе!
И молодость тупая
Не вспомнит о тебе.

Жил-был Серёга.
Дали шесть строгого.
Вышел через четыре и восемь.
Не знаете, что с ним?

Знаем-знаем: поселился в лесу,
Взял в жены лису,
Повелел звать себя Котофеем.
Другой информацией не владеем.

В прошлой жизни нет
ни Москвы, ни Крыма,
ни пятиконечной звезды,
ни шестикрылого серафима.
Есть только какой-то угол,
окрашенный грязно-красным,
на который не позарится
ни одна из диаспор.

Я довольно давно
репетирую эту встречу,
как ты спросишь меня
и как я тебе отвечу,
что не местный,
не знаю ни Серого, ни Рябого,
потому что родиться
мне еще не выпало снова.

Но зато я помню
вон тот придорожный кустик.
Здесь могла бы быть грусть,
так откроем же двери для грусти.
И заходит она

в виде соседской дочки,
и читает из книжки,
пальцем ведя по строчкам.

Ты не смотрел ни одного фильма
Ингмара Бергмана?
Восполни этот пробел немедленно!
Я его восполнил давным-давно
фильмом «Макар-следопыт».
Он про то, что мир взрослых –
это мир, в котором ты убит.
А в мире детей ты убит, но снова встаёшь,
вынимаешь из-за голенища
деревянный нож
и отрезаешь железному танку башку.
Миру – мир, говоришь,
и мир отвечает: Ку-ку!

Здравствуйте, ребята!
В эфире – Пионерская зорька!

А мне бы ещё немного.
Вот столько.

В пять часов утра
в Челябинске было минус тридцать шесть.

Бог есть.

Мальчик чувствует
приближающуюся простуду,
но на вопрос –
будешь мороженое? –
отвечает – буду.

Девочка рвет фотографии
и не может остановиться,
хотя под рукой уже
дорогие лица.

Вчера я отправил тебе

письмо в конверте –
как раньше.
Так, пару строк ни о чем –
если прочтешь не ты,
то не страшно.

Если помотришь глазами пустыми,
то нет ничего в мире лучше гостиниц.
Нет ничего лучше в месте чужом
в холодной постели свернуться ужом.

Снятся пускай очаги и пенаты,
но ты просыпaeшься невиноватым.
Вещи простые внутри рюкзака.
Никто тебя ждать здесь не будет.
Пока.